

Волибный голосъ тотъ, хотя бь укорь!
 Произнесли ея уста? О, нѣтъ.—
 Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
 Коня—и шумныя плеснули воды,
 И съ пѣною раздвинулись онѣ.
 Плыветъ мерцучй конь—и ближе, ближе...
 И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
 И на гору летитъ... И на крыльцо
 Взобгасть юноша, и входитъ
 Въ старинные покои... нѣтъ ея!
 Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
 Тренищеть... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
 Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда бь
 Я могъ изобразить его страданья!—
 Какъ мраморъ блѣдный и безгласный онъ
 Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
 Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!..
 Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
 Какъ будто сердца лучшая струна
 Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
 Прыгнувъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
 Какъ будто бы гнался вслѣдъ за нимъ
 Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
 До самаго разсвѣта, безъ дороги,
 Безъ всякихъ опасеній—наконецъ
 Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и запла-
 Естъ вредная роса, которой капли [калъ!
 На листьяхъ оставляють пятна—такъ
 Отчаянья свинцовая слеза,
 Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
 Скатиться—но очей не освѣжить...

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
 Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
 Къ существенности хладной? Нѣтъ!
 Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
 И какъ ни силится воображене,
 Его орудья пытки—ничего
 Противъ того, что есть и что имѣть
 Вліяніе на сердце и судьбу...

Мой сонъ пережился невзначай.
 Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
 Весенній, теплый день; и у окна
 Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
 Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
 И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
 Знакомый юноша, и оба, оба
 Старались довольными казаться,
 Однако же на ихъ устахъ улыбка,
 Едва родившись, томно умирала.
 И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
 Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
 И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
 Блауждали по листамъ открытой книги,
 Но буквы всѣ сливались подъ ними...
 И сердце сильно блылось—безъ причины...
 И юноша смотрѣлъ не на нее—
 Хотя она одна была царицей
 Его воображенія и причиной
 Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его.
 Чѣ голубое небо онъ смотрѣлъ,

Слѣдилъ серебристыхъ облаковъ отрывки,
 И съ жатою душой не смѣлъ вздохнуть,
 Не смѣлъ пошевельиться, чтобы этимъ
 Не прекратилъ молчанья: такъ боялся
 Онъ услышать отвѣтъ холодный, или
 Не получить отвѣта на моленья!..
 Все, что тутъ описано, было съ Арбени-
 нымъ; для другого эти приключенья ни-
 чего бы не значили, но вещи дѣлають вне-
 чатлѣнныя на сердце, смотря по расположе-
 нію сердца.

Снѣгинъ:—*Странный человекъ Арбенинъ!*
 (Оба уходятъ въ другую комнату).

Вышневекий:—Господа, когда-то русскіе
 будутъ русскими?

Челяевъ:—Когда они на сто лѣтъ подви-
 нутся назадъ и будутъ просвѣщаться и
 образовываться снова-здорово.

Вышневекий:—Прекрасное средство. Если
 бь тебѣ твой докторъ только такіе реценты
 прописывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что
 ты теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а ле-
 жалъ бы на столѣ!

Заручий:—А развѣ мы не доказали въ
 12-мъ году, что мы русскіе? Такого при-
 мѣра не было отъ начала міра... Мы со-
 временники и вполнѣ не понимаемъ ве-
 ликаго пожара Москвы; мы не можемъ
 удивляться этому поступку; эта мысль, это
 чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы
 должны гордиться, а оставить удивленіе
 потомкамъ и чужестранцамъ.—Ура! господа!
 здоровье пожара московскаго!.. (Звукъ ста-
 кановъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Явленіе II.

10-го января утромъ.

Въ домѣ у **Бѣлинскаго**; его кабинетъ по модѣ отѣ-
 ланный.—Окна замерзли; на столѣ табачный пе-
 нель и пустая чайная чашка.

Бѣлинскій (однѣмъ прохаживается по комна-
 тѣ):—Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я
 женился! Что же? Женитьба лекарство очень
 полезное отъ многихъ болѣзней и отъ кар-
 манной чахотки особенно. Теперь я занялъ
 денегъ, чтобъ купить деревню; но тысячи руб-
 лей не достаетъ, а гдѣ ихъ взять?.. Женись!
 женись! кричить разсудокъ. Такъ и быть!
 но на комъ?.. Вчера я познакомился съ
 Загорскимиными. Наташа мила, очень мила;
 у ней кое-что есть... но Владиміръ влюб-
 ленъ въ нее. Что жъ? Чья взяла, тотъ и
 правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ
 обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ
 мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ
 онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ
 странный, непонятный человекъ: одинъ день
 то, другой—другое! самъ себѣ противорѣ-
 чить; а все какъ заговорить и захочетъ
 тебя увѣрить въ чемъ-нибудь, конечно, рѣдъ